



Валерий БРЮСОВ

<Рец. на кн.:> **Андрей Белый. Возврат.**

III симфония

Обложка работы В. Владимирова.
Книгоиздательство «Гриф». Ц. 1 р.

Мы сами творим наш мир, — в том смысле, что формы длящейся во времени, протяженной в пространстве, подчиненной закону причинности вселенной обусловлены свойствами нашей воспринимающей способности. Мы лишь смутно угадываем, какими-то еще темными силами духа, иное миропонимание, иной, второй *план* вселенной, сознавая, что вся окружающая нас «реальность» — лишь его проекции. Особенность творчества Андрея Белого — в смешении этих двух планов. Он подобен человеку, который видит сон, но продолжает слышать все происходящее вокруг него. Житейское врывается в видение мечты, но и все повседневное озарено фантастическим светом грезы. Андрей Белый сумел обличить в образах всю призрачность, всю «трансцендентальную субъективность» нашего отношения к вещам. Он вынул какие-то связи между событиями, выпавшие легко, как ненужные украшения, — и вдруг вся эта строгая последовательность нашей обыденной жизни обратилась в бессвязный чудовищный хаос, в бесцельно мятущийся водоворот, которому нет выхода. Несколькими, с первого взгляда незначительными, но в первый раз вполне угаданными словами он как-то сдвинул, покачнул ту недвижную основу трехмерного пространства и никогда не возвращающегося времени, к которым мы привыкли, как к вечной незыблемости. Читателя охватывает такое же головокружение, как при начале землетрясения, когда вдруг начинает шевелиться наша твердая земля. В полукомических описаниях магистранта Евгения Хандрикова, ползающего на карачках, чтобы потешить ребенка, и дивящегося на самого себя, «ползающего в пространстве», уверенного, что «нет ничего, что бесконечная пустыня протянулась вверх, вниз и по сторонам, и что звездные миры тихо

вращаются в его комнате», — или того же Хандрикова, сидящего перед зеркалом, откуда глядит на него другой Хандриков, и думающего, что «где-то в иных вселенных отражаюсь я, и там живет Хандриков, подобный мне, и во времени не раз повторялся этот Хандриков», — в этих, вызывающих сначала улыбку, описаниях есть настоящий ужас. Но в то же время А. Белый показал нам, как все мелочи этой обыденности проникнуты, пронизаны светом иного бытия, — как все они получают новый и глубокий смысл, если смотреть на них с *иного плана*. А еще дальше, в почти непроницаемом, священном намеке, встают дали *третьего плана* вселенной, последней истины. «Возврат» должен быть признан лучшей, наиболее совершенной из трех симфоний А. Белого. Многие, о чем ему только мечталось в *первой*, чего он еще неумело искал во *второй*, здесь исполнено. Как все истинно значительные произведения искусства, симфонии А. Белого создают свою собственную форму, не существовавшую до них. Достигая музыкального строя истинной *поэмы*, они сохраняют всю свободу, всю широту, всю непринужденность, которые доставили в свое время *роману* его преобладающее положение в литературе.

